

И. Д. Долгушин, А. В. Табарев

К 100-летию начала исследований М. Уле в Эквадоре

Резюме. В 2019 г. исполняется 100 лет с начала работ в Эквадоре выдающегося археолога М. Уле. Он был фактически первым профессиональным археологом в этой стране. М. Уле провёл в Эквадоре свыше 20 лет, занимаясь археологическими раскопками почти во всех регионах этой страны. Им была открыта для археологии северная столица инкской империи Томебамба, исследованы уникальные земляные насыпи Ла-Толита в провинции Эсмеральдас, проведены многочисленные раскопки в центральной части страны и на её побережье. М. Уле выступил создателем эквадорской археологической школы; его исследования были продолжены учениками и последователями и остаются актуальными по сей день.

Ключевые слова: Макс Уле, Эквадор, Томебамба, Тумако-Толита, гипердиффузионизм, история исследований.

Dolgushin I. D., Tabarev A. V. On the 100th anniversary of M. Uhle's works in Ecuador. The year of 2019 marks the hundredth anniversary of the beginning of Max Friedrich Uhle's archaeological explorations in Ecuador. Max Uhle was the first professional archaeologist who started to work in this country. He spent more than twenty years in Ecuador and carried out archaeological excavations in almost all regions of the country. He discovered for archeology the ancient Inca city of Tomebamba, explored *tolas* of La Tolita site in Esmeraldas, excavated a lot of sites in the central and coastal parts of Ecuador. Max Uhle was the founder of the Ecuadorian archaeological school, his studies were continued by his students and followers, and remain relevant to this day.

Keywords: Max Uhle, Ecuador, Tomebamba, Tumaco-Tolita, hyperdiffusionism, history of archaeology.

Введение

В 2019 году исполнилось ровно 100 лет с начала работ в Эквадоре одного из пионеров профессиональной археологии в Южной Америке — Макса Фридриха Уле (Max Friedrich Uhle, 1856–1942). Уле (рис. 1) родился в Дрездене 25 марта 1856 года. В 1875 г. он окончил Королевскую Саксонскую государственную школу и поступил в Лейпцигский университет, где в 1880 г. получил степень доктора философии. Первоначально сферой его научных интересов были лингвистика и востоковедение; диссертация М. Уле посвящена грамматике средневекового китайского языка. Но уже в Дрездене, работая в музее, он знакомится с известным путешественником по Южной Америке, геологом Альфонсом Штюбелем, в 1874–1875 гг. проводившим в Перу вместе с Вильгельмом Райссом раскопки древнего некрополя в Анконе (Табарев 2006: 53).

По мнению Дж. Х. Роу, автора подробной биографии М. Уле, именно общение со Штюбелем подтолкнуло его к изучению доколумбовых культур Южной Америки (Rowe 1954: 5). Позднее, работая в Берлине, М. Уле занялся изучением коллекций, собранных в Андах. Ещё не побывав в Южной Америке, он уже стал специалистом по её археологии, опубликовав ряд статей и монографию в соавторстве с А. Штюбелем (Stübel, Uhle 1892).

В 1892 г. Уле впервые совершает экспедицию в Южную Америку. Он посетил северо-западные районы Аргентины, потом некоторое время работал в Боливии, где исследовал развалины Тиауанако; однако из-за неблагоприятной политической обстановки в стране ему пришлось переехать в Перу. Там при финансовой поддержке Пенсильванского университета (Филадельфия, США) М. Уле проводил раскопки в Пачакамаке. По материалам этих раскопок впервые для центральноандского региона была составлена хронологическая последовательность доиспанских культур (Табарев 2006: 57).

После этого некоторое время М. Уле провёл в США, где, работая в Калифорнийском университете, занимался раскопками раковинных куч в Эммиревилле. Позднее опыт изучения подобных памятников пригодился ему в Перу, Чили и Эквадоре. В 1899–1905 г. при поддержке Калифорнийского университета Уле проводит раскопки в Перу. Здесь им были исследованы памятники в долинах рек Ика, Чинча и Наска, раковинные кучи в Анконе (Там же: 58).

С 1908 г. М. Уле жил и работал в Чили, прибыв туда по приглашению местного археолога Рикардо Латчема. В частности, он произвёл раскопки раковинных куч близ города Арика; обнаруженные материалы были отнесены им к палеолитическому периоду. Уле основал в Сантьяго Этнологический музей и внёс важнейший вклад в развитие археологии региона, впервые построив для него хронологическую последовательность культур (Bahn 2014: 218). Чилийский период биографии М. Уле ознаменовался также плодотворным сотрудничеством со шведским археологом Эрландом Норденскельдом, которому были переданы для помещения в Этнологический музей Гётеборга собранные в Арике коллекции (Rowe 1954: 23).

Эквадорский период: поиски, раскопки, гипотезы

В 1919 г. М. Уле получил приглашение приехать для ведения археологических работ в Эквадор. Приглашение пришло от Хасинто Хихона-и-Кааманьо — видного эквадорского учёного и политического деятеля. К этому времени Хихон-и-Кааманьо уже несколько лет вёл археологические исследования, совершил ряд экспедиций по Эквадору, а также в Перу; его можно считать одним из основателей эквадорской археологической школы. Однако было ясно, что становление национальной археологической школы невозможно без участия иностранных специалистов. Макс Уле же к тому времени был, пожалуй, крупнейшим

Рис. 1. М. Уле, 1920-е гг.

Fig. 1. M. Uhle, 1920's

исследователем южноамериканской археологии в мире. Уле не замедлил принять приглашение и уже весной 1919 г. был в Эквадоре. В апреле — июле он совершил экспедицию в Перу, в до сих пор не исследованный регион Пьюра, где работал в районе города Суллана, а в конце лета приступил к работе в самом Эквадоре.

Деятельность М. Уле в Эквадоре, продолжавшаяся с 1919 до 1933 гг., представляет особый интерес по двум причинам. Во-первых, им было впервые исследовано большое количество археологических памятников, многие из которых продолжают изучаться и по сей день; по сути Уле, которого Дж. Х. Роу называет «отцом перуанской археологии» (Ibid.: 1), может с тем же правом быть назван и отцом археологии эквадорской, ведь позднейшие исследователи во многом шли по его стопам. Из важнейших открытий М. Уле в Эквадоре следует, конечно, отметить обнаружение Томебамбы — северной столицы Инкской империи (Jamieson 2003: 47).

Во-вторых, его концепции, складывавшиеся под влиянием популярных в то время идей диффузионизма и гипердиффузионизма, оказали влияние на дальнейшее развитие археологии региона, и, хотя в наиболее радикальной своей части и были отвергнуты научным сообществом, в некоторой мере не потеряли актуальности до сих пор.

С 1919 г. М. Уле почти непрерывно живёт и работает в Эквадоре. Он приступил к раскопкам в центральной, высокогорной части страны — в провинциях Лоха и Асуай. В 33 км к северу от столицы провинции Лоха, города Лоха, был исследован интересный памятник — руины так называемой Белой Фермы (*Tambo Blanco*). К моменту посещения памятника экспедицией М. Уле он пребывал в плачевном состоянии: за 25 лет до того местные жители использовали его в качестве каменоломни для постройки церкви в Сан-Лукас. Однако структура сооружений в целом сохранялась.

Тамбо Бланко представляет собой комплекс зданий, расположенных в глубокой долине, по дну которой текут два ручья. Состоит он из трёх разнесённых в пространстве частей — хранилищ на вершине замыкающего долину холма, представляющих собой небольшие четырёхугольные структуры, сгруппированные вдоль общего коридора; отдельно стоящих так называемых казарм (*El Cuartel*) с несколькими входами; и центральной постройки — дворца с двумя внутренними дворами и расположенными поблизости террасами. Такое устройство наводит на мысль о том, что это была не просто ферма, но некий небольшой административный центр или таможенный пост — тем более что комплекс зданий расположен на дороге Камино-дель-Инка (Reyes 2014).

Экспедиция М. Уле так и осталась, по сути, единственным археологическим исследованием этого интересного памятника — в последующем он не посещался археологами, зарос кустарником и сейчас постепенно разрушается, хотя в последнее время ведутся разговоры о новых исследованиях (Там же).

В том же 1919 г. Уле начал раскопки в районе города Куэнка, стремясь обнаружить останки древней Томебамбы. Как известно, северная столица инкской империи была сильно разрушена ещё во время гражданской войны 1529–1532 гг. (Jamieson 2003: 50) и уже в эпоху испанского завоевания являла собой печальное зрелище — испанский хронист Педро Сьеса де Леон описывает ее как лежащую в руинах — сохранивших, впрочем, признаки былого величия (Cieza De León 2005). Со временем местоположение города забылось; в районе

Куэнки были известны руины — памятники Пумапунку и Тодос Сантос на берегу реки Томебамба (Niles 1999: 257); однако исследователи не отождествляли эти руины с северной инкской столицей.

М. Уле приступил к раскопкам на территории поместья Пумапунку (или же Пумапонго), у юго-восточной окраины Куэнки. Раскопки выявили явные следы крупного центра инкской эпохи и позволили однозначно утверждать, что Томебамба располагалась именно на месте современной Куэнки (Jamieson 2003: 50).

Одним из интересных открытий этих раскопок были руины здания, интерпретированные как «дом избранных девиц» — *aqllawasi*. В империи инков подобные сооружения играли роль своеобразных «женских монастырей»: там проживали «жёны богов» — девственницы, которым воспрещались любые контакты с внешним миром. Проводя всю жизнь в четырёх стенах, «жёны богов» занимались шитьём одежды и приготовлением напитков для религиозных церемоний. О том, что здание является именно *aqllawasi*, свидетельствовали многочисленные находки прялок, а также обнаруженные на территории комплекса женские захоронения (Uhle 1923: 192).

Также М. Уле в восточной части памятника раскопал *ушну* — ритуальный камень. Это открытие позволило утверждать, что в районе Пумапунку была расположена центральная площадь города — *ушна* всегда устанавливалась в центре инкских поселений. Уле надеялся, что поблизости от ушны должен находиться хорошо известный по хроникам Храм Солнца — одно из знаменитейших святилищ Инкской империи (Jamieson 2003: 51). Кроме того, было сделано предположение, что проходящий поблизости от Пумапунку современный проспект Уина Капак (Avenida Huina Cápac) проложен на месте древней инкской дороги, проходившей через открытую М. Уле главную площадь и далее на юг по мосту через реку Томебамба — в 1919 г. ещё сохранялись фрагменты этого строения (Uhle 1923: 170). Экспедиция Уле долгие годы оставалась единственным археологическим исследованием Томебамбы. Лишь в 1970-х гг. здесь вновь были проведены раскопки — у стен церкви Всех Святых (Todos los Santos), по которой исследуемый памятник и получил название Тодос Сантос (Todos Santos).

В 1980-х гг. на впервые исследованном Уле памятнике Пумапунку работала экспедиция под руководством эквадорского археолога Хайме Идрово. В ходе этой экспедиции были раскопаны каменные террасы к югу от храмового комплекса — здесь, очевидно, возделывались различные сельскохозяйственные культуры для снабжения Томебамбы продовольствием; исследована была лишь часть этого огромного комплекса, и подлинные его масштабы остаются неизвестными (Jamieson 2003: 52).

Не менее интересны работы, проведённые М. Уле в провинции Эсмеральдас, на острове Ла-Тола, на памятнике Ла-Толита, эпонимном для культуры Тумако-Толита. Здесь был раскопана одна из *толас* — высоких земляных насыпей; в ходе раскопок были обнаружены фрагменты керамики, погребальные урны, антропоморфные скульптуры (Табарев 2015–2016: 171–199). По мнению Уле, комплекс Ла-Толиты являлся культовым центром (Там же). Культура Ла-Толита, одна из наиболее ярких и интересных культур региона, позднее на территории Эквадора исследовалась такими археологами, как Э. Фердон, М. Стирлинг, Х. Альсина-Франч, Ж.-Ф. Бушар, Ф. Вальдес и др., в 1983–1986 гг. на открытом М. Уле памятнике Ла-Толита проводились масштабные раскопки при поддержке Центрального банка Эквадора и Национального центра научных исследований (Франция) (Там же: 187).

Немногим позднее раскопок в Куэнке, в начале 1920-х гг., Уле провёл исследование ряда памятников в долине реки Томебамба и по берегам её притоков. Было исследовано большое количество пунктов в окрестностях селения Серро-Нарио и поблизости от него — на реке Замзан (Zhamzhan) и на памятнике Пунтос-де-Нар (Puntos de Nar) у реки Нар. Продолжались и раскопки в районе Куэнки, в первую очередь на памятнике Чаллуабамба (Challuabamba), а также в его ближайших окрестностях — на вершине холма Уауалзума (Huahalzhuma) и на асьендах Санта-Марта, Монхасуаико, Кармен, Булкай и Кауазун, на берегах реки Куэнки и её притока Асогуэса (Uhle 1922: 3).

Эти исследования интересны не только многочисленными находками, но и их значением для развития научных концепций М. Уле. По материалам раскопок им была написана работа «Влияние майя в древнем Эквадоре», в которой, вслед за подробным описанием памятников и находок, Уле излагает свои идеи о влиянии мезоамериканских культур на эквадорские.

Уле подробно классифицирует керамику и изделия из камня; среди находок особенно стоит отметить скульптуры и фрагменты скульптур, а также рельефные каменные плитки и декоративные изделия из морских раковин. Рассматривая эти предметы искусства, он пытается найти мезоамериканское влияние, указывая, в частности, на внешнее сходство с находками с островов озера Никарагуа, известными ему по работе Спиндена (Spinden 1975) и коллекции Хихона-и-Кааманьо, а также с фигурой на памятнике Сан-Агустин в Колумбии (описана в работе немецкого исследователя К. Т. Пройсса «Описание моей археологической и этнографической экспедиции в Колумбию» (Preuss 1920–1921)). Таким образом, он стремится проследить маршрут, по которому могли происходить миграции из Центральной на Тихоокеанское побережье Южной Америки.

Подобные идеи гипердиффузионистского толка, впервые появившиеся у учёного ещё в период работы в Берлинском музее с коллекцией перуанской керамики (Rowe 1954: 21), особенно увлекли М. Уле именно в Эквадоре. В это время он всё более склоняется к мысли о том, что все развитые культуры Нового Света имеют единый центральноамериканский источник; причём в развитии культур самой Центральной Америки усматривает, в свою очередь, некое азиатское влияние (Ibid.).

Уле был столь горячим приверженцем диффузионизма, что его стремление во что бы то ни стало продвигать идеи о возникновении местных культур под внешним влиянием даже в ту терпимую к подобным взглядам эпоху порой вызывало недоумение у других археологов, вплоть до обвинений в «сумасшествии» (Ibid.).

При этом нельзя сказать, что М. Уле был склонен к пустому теоретизированию; скорее наоборот, в археологии его больше привлекала практическая сторона. Большинство работ Уле представляет собой сухое и сжатое описание сделанных находок; однако в тех случаях, когда они всё же выходят на концептуальный уровень — учёный начинает с большим энтузиазмом отстаивать свою гипотезу о мезоамериканском влиянии на культуры Анд и Тихоокеанского побережья Южной Америки. И хотя идеи М. Уле выглядят весьма смелыми, они вполне укладываются в общую парадигму развития археологической мысли. Диффузионистские идеи, в том числе и применительно к культурам Нового Света, неизменно пользовались популярностью, причём многие археологи усматривали связи как между различными американскими цивилизациями, так и между ними и культурами Старого Света.

Важно то, что научные взгляды М. Уле, во-первых, оказали значительное влияние на дальнейшее археологическое изучение региона, поскольку большинство позднейших исследователей археологии Эквадора в той или иной степени шли по стопам Уле, своеобразного археологического первопроходца этой страны, и, разумеется, изучали его труды, а во-вторых — стали поводом для самого М. Уле провести ряд важных и интересных исследований.

Теория о том, что культуры Эквадора формировались под влиянием культур Центральной Америки, естественным образом подразумевала существование тесных связей между этими регионами в древности. Стремясь обосновать возможность сообщения между Центральной Америкой и тихоокеанским побережьем Южной Америки по морю, М. Уле заинтересовался темой древнего судоходства в Тихом океане. В то время в Эквадоре, в акватории залива Гуаякиль, сохранялись своеобразные реликты некогда весьма развитого аборигенного судоходства — местные индейцы ещё использовали для перевозки грузов традиционные плоты из бальсы — деревьев вида *Ochroma pyramidale*, чья древесина отличается особой лёгкостью (в высушенном состоянии плотность составляет 120 кг/м³, что меньше, чем у пробки), прочностью и лёгкостью в обработке.

Здесь же, в заливе Гуаякиль, находится остров Пуна, в прошлом знаменитый своими воинами-мореходами, описанными ещё испанскими хронистами времён Конкисты. Вместе с эквадорским историком Габриэлем Пино Рокой (дедом известного эквадорского археолога Хорхе Г. Маркоса) М. Уле предпринял раскопки на острове, близ селения Пуна-Вьеха (Marcos 1998: 204). В ходе раскопок исследователи предполагали найти останки известных по испанским хроникам дворца Томала и святилища Тумбал. К сожалению, раскопки не удалось довести до конца из-за несчастного случая с самим Уле — он упал с высокой каменной террасы и сломал ногу.

Как уже было сказано, в заливе Гуаякиль существовал не только богатый археологический, но и этнографический материал — местные жители пользовались плотами, построенными по древним технологиям. О подобных плотах было известно и по испанским хроникам. Эти плоты управлялись при помощи *гуар* — выдвигаемых продольных килей, использование которых позволяло судну идти против ветра. Местным аборигенным судоходством активно интересовался и друг и коллега Уле Хихон-и-Кааманьо, отстаивавший свою идею о существовавшем в древней Южной Америке своеобразном сообществе торговцев наподобие *почтека* (*pochtecas*) Мезоамерики (Jijon у Саатаño 1997 [1952]: 84–85). По его мысли, эти торговцы перевозили свои товары по морю на дальние расстояния. На основании сведений о судоходстве в заливе Гуаякиль М. Уле мог сделать вывод о возможности в древности морской торговли между Мезоамерикой и тихоокеанским побережьем Южной Америки. Он справедливо указывал, что торговые экспедиции или миграции по суше были бы весьма затруднены из-за лесов и гор.

Как известно, изучение аборигенного мореходства в дальнейшем стало, пожалуй, одной из самых популяризованных тем в южноамериканской археологии, в основном благодаря знаменитому плаванию Тура Хейердала в 1947 г. на бальсовом плоту из Перу в Полинезию; поводом к плаванию послужила имевшая место в 1940-х гг. дискуссия о мореходных качествах подобных плотов (хотя экспедиция Хейердала проходила в направлении, обратном тому, которое считал возможным Уле — не с запада на восток, из Азии в Америку, но с востока на запад, из Америки в Океанию).

Интересно, что тот же Т. Хейердал интересовался не только гипотетическими связями Южной Америки с Полинезией, но и возможными морскими путями между тихоокеанским побережьем Перу и Эквадора и Мезоамерикой (Хейердал 2015: 437–438), идя, таким образом, по стопам Уле.

Как бы мы ни относились к диффузионистским теориям М. Уле, следует признать, что они оказали значительное влияние на всё дальнейшее развитие эквадорской археологии (Marcos 1998: 204). Ещё при жизни М. Уле эти идеи поддерживал, развивал и активно продвигал Х. Хихон-и-Кааманьо. Выше мы видели, как, с одной стороны, знакомство с гипотезами Уле и, с другой, самостоятельные исследования в области древнего аборигенного мореходства привели его к мысли о существовании в древности на территории Эквадора своеобразного сообщества торговцев. Можно также вспомнить, к примеру, взгляды эквадорского археолога-любителя и мецената Эмилио Эстрады (разделявшие и его американскими коллегами Клиффордом Эвансом и Бетти Дж. Меггерс), полагавшего, что культура вальдивия — первая из эквадорских культур, для которой известны керамические изделия, — ведёт своё происхождение от японской культуры дзёмон (Табарев и др. 2013). Они же считали, что культура мачалилья происходит из Центральной Америки (Meggers et al. 1965). О связях Эквадора и Мезоамерики говорили также У. Оберем, Ф. Саломон, Р. Хартманн (Marcos 1998: 204).

Однако в ходе дальнейших исследований становилось ясно, что диффузионистские построения Уле, Хихона-и-Кааманьо и других не вполне обоснованы и слишком радикальны. Сейчас уже можно считать доказанным, что крупных миграций из Мезоамерики на территорию нынешнего Эквадора в неолитическую эпоху не происходило. С другой стороны, идеи о возможности влияния культур Мезоамерики на культуры тихоокеанского побережья Южной Америки не должны быть полностью отвергнуты; ряд исследований конца XX — начала XXI в. позволяет говорить о возможном наличии между этими регионами торговой связи.

Дальний торговый обмен был сосредоточен, в первую очередь, на раковинах двусторчатых моллюсков *Spondylus princeps* и *Strombus galeatus* (на что в своё время указывал и М. Уле) (Ibid.: 205). Например, на памятнике Реал-Альто были получены древнейшие свидетельства ритуального использования этих раковин, относящиеся ко второй фазе культуры вальдивия (3200–2900 гг. до н. э.).

Ареал обитания моллюсков *Spondylus princeps* не охватывает всего тихоокеанского побережья, но представляет собой несколько изолированных ареалов, прерываемых зонами, где холодные воды Гумбольдтова течения поднимаются к океанской поверхности, либо где континентальный шельф резко обрывается в глубины, или же там, где нет скалистых берегов — моллюск довольно требователен к условиям окружающей среды и обитает на скалистом грунте на относительно небольшой глубине (Ibid.: 206). Чтобы удовлетворить растущий спрос на эти раковины, жителям древнего Эквадора было недостаточно местной популяции, и активно развивался обмен с северными территориями. Торговля раковинами охватила тихоокеанское побережье от Чили до Калифорнийского залива.

Другой «панамериканской» торговой системой стала торговля бирюзой. Бирюзовый трафик был связан с Мезоамерикой и юго-западом Северной Америки; при этом в Эквадоре бирюзовые изделия встречаются ещё как минимум с 500 г. до н. э. (на полуострове Санта-Елена). Особенно активизировалась торговля бирюзой в поздний период, в 1300–1500 гг. н. э.; в это время она

охватила также и бассейн Миссисипи в Северной Америке. Подробным изучением этих обменных маршрутов во второй половине XX в. занимались Джейн Уиллер и Маркус Винтер (Winter, Pires-Ferreira 1976).

Важную роль в этой межрегиональной торговле играли именно жители современного Эквадора — на его территории в больших количествах произрастает бальсовое дерево, на плотках из которого и могли перевозиться соответствующие товары (Zeidler 1977/78; Marcos 1998: 207).

Вторая половина 1920-х — начало 1930-х гг. были для М. Уле, с одной стороны, временем развития и укрепления его научных концепций, временем, когда он больше, чем прежде, уделял внимание продвижению своих диффузионистских построений; с другой стороны, в это время он в силу возраста вынужден всё реже выезжать в экспедиции, сосредоточиваясь на преподавании и музейной работе.

В 1923–1924 гг. Уле прочитал в Кито цикл лекций, а в августе 1924 г. ненадолго покинул Эквадор для участия в XXI Международном конгрессе американистов в Гётеборге, в Швеции, вице-президентом которого он был назначен. В своих выступлениях на съезде он вновь развивает идеи о влиянии цивилизации майя на культуру Южной Америки, причём порой уделяет им явно чрезмерное внимание в ущерб взвешенному изложению фактов. Дж. Х. Роу даже называет публикации этого периода «худшим из всего, когда-либо написанного Уле». Однако и он признаёт, что даже в этих статьях содержится и важная информация (Rowe 1954: 17).

После возвращения в Эквадор, на обратном пути из Швеции он посетил Панаму, где задержался на некоторое время для ознакомления с археологическими памятниками. А вскоре М. Уле столкнулся с проблемами в Эквадоре — по политическим причинам Хихон-и-Кааманьо был вынужден покинуть страну, и договор с М. Уле был расторгнут (*Ibid.*). Однако в 1925 г. в Центральном университете Кито была учреждена кафедра археологии, возглавить которую снова пригласили М. Уле — таким образом, он смог остаться в Эквадоре и продолжить научную деятельность. В это же время он занялся организацией Национального музея археологии — это был уже третий музей, созданный при его участии (*Ibid.*).

В Университете Кито Уле читает цикл лекций, позднее опубликованный (*Ibid.*). Не прекращает он и полевых работ — проводит раскопки в Кумбайе, близости от Кито, совершает экспедиции в провинции Эсмеральдас, Манаби и Карчи (*Ibid.*).

В Эквадоре Уле жил до 1933 г. За это время им было сделано очень многое для развития археологической науки в этой стране. В 1928 г. он вновь представлял Эквадор на Международном конгрессе американистов, на этот раз — в Нью-Йорке. Им было сделано три доклада; один из них был посвящён недавней интересной находке — в Алангаси, близ Кито, Уле были обнаружены хорошо сохранившиеся останки мастодонта вместе с орнаментированной керамикой. Поскольку возможность создания керамики в плейстоценовую эпоху Уле решительно отвергал, им был сделан вывод о том, что мастодонты в Андах дожили до относительно недавнего времени (*Ibid.*).

В конце 1920-х — начале 1930-х М. Уле продолжал свою работу в Университете Кито, не оставляя и полевых работ; однако годы давали о себе знать, и он уже куда реже мог сам заниматься раскопками. Тяжёлым ударом стал пожар в Университете 9 ноября 1929 г., уничтоживший значительную часть коллекций.

Наконец, в 1933 г., в возрасте 66 лет, М. Уле принял решение покинуть Эквадор и вернуться в Германию — спустя более чем сорок лет после того, как покинул её и в первый раз ступил на южноамериканскую землю...

И немного в заключение...

Вклад М. Уле в становление археологии Эквадора сложно переоценить. Он был первым профессиональным археологом в этой стране и первым провёл там полноценные археологические исследования. Если до него археология в Эквадоре — да и вообще в андском регионе — была уделом либо местных энтузиастов-любителей, либо интересующихся древностями учёных, специализирующихся в совсем иных областях знаний, — геологов, ботаников, географов, — то с приездом Уле наступила эпоха профессионалов.

За годы, проведённые в Эквадоре, Уле изучил археологические памятники почти во всех регионах страны. Как пишет Хорхе Г. Маркос, «в Эквадоре нет района, за исключением разве что востока, где современный исследователь не обнаружил бы, что Уле был там первым. Также нет такой археологической проблемы, над которой Уле бы не работал, насколько это позволяли тогдашние технологии и методы» (Marcos 1998: 209). М. Уле, как уже указывалось, стал, по сути, основателем национальной эквадорской археологической школы; в течение многих лет он возглавлял археологическую кафедру в Университете Кито, воспитав себе достойную смену. Его ученики, такие как Карлос Менендес, Франсиско Рендон и другие, стали следующим поколением археологов Эквадора. Открытия Уле проложили дорогу для дальнейших исследований уникальных археологических памятников страны. Многие работавшие в дальнейшем в Эквадоре археологи шли по его стопам, продолжая раскопки там, где впервые их начал Уле. Так, изучение памятника Ла-Толита продолжалось на протяжении всего XX столетия и не окончено до сих пор; первые исследованные Уле, земляные насыпи Ла-Толита в наше время могут считаться одним из наиболее ярких и узнаваемых символов археологии Эквадора.

Продолжались (и продолжают) работы в районе города Куэнки, там, где Уле открыл руины потерянной Томебамбы. Возможно, под улицами и зданиями современной Куэнки скрывается ещё немало следов былого величия Инкской империи.

То же можно сказать и о многих других памятниках, открытых Уле; в той же провинции Серро-Нарио, в долине Томебамбы, материалы которой в своё время сподвигли Уле на поиски параллелей с культурами Мезоамерики, раскопки были продолжены Д. Кольером и Дж. Мурром, а в 1995–2000-х гг. здесь, на памятнике Чаллуабамба, работала эквадорско-американская экспедиция, организованная Эквадорским национальным институтом культурного наследия (Кито). В ходе работ экспедиции памятник был тщательно изучен, сделано много открытий; пожалуй, эти раскопки заслуживают отдельного рассказа, здесь же упомянем только, что по их материалам коллективом авторов в 2009 году была опубликована книга «Art and Archaeology of Challuabamba, Ecuador» с подробным описанием их хода и результатов (Grieder et al. 2009).

Конечно, не всё из трудов Уле прошло проверку временем; какие-то из его идей сейчас кажутся излишне смелыми, какие-то — наивными. Но нет сомнений, что его работы и его идеи внесли огромный вклад в изучение древнего Эквадора; и недаром память Макса Уле в Эквадоре чтят (рис. 2), и его имя вызывает заслуженное уважение у любого, кто интересуется археологией этой страны.

Рис. 2. Памятник М. Уле в г. Куэнке, Эквадор
Fig. 2. Monument to M. Uhle in Cuenca, Ecuador

Литература

- Табарев А. В. 2006. *Введение в археологию Южной Америки: Анды и Тихоокеанское побережье*. Новосибирск: Сибирская научная книга.
- Табарев А. В. 2015–2016. Шаманы и касики Страны Дождей (культура Тумако-Толита, тихоокеанское побережье Южной Америки). *Российский археологический ежегодник* 5, 171–199.
- Табарев А. В., Маркос Х. Г., Попов А. Н. 2013. Эквадор: по следам одной необычной археологической гипотезы. *Наука из первых рук* 5–6, 124–141.
- Хейердал Т. 2015. *Древний человек и океан*. СПб.: Амфора.
- Bahn P. 2014. *The History of Archaeology: An Introduction*. Routledge.
- Cieza de León 2005. *Crónica del Perú el señorío de los incas*. Caracas: Biblioteca Ayacucho.
- Grieder et al. 2009. *Art and Archaeology of Challuabamba, Ecuador* Austin: University of Texas press.
- Jamieson R. W. J. 2003. *De Tomebamba a Cuenca: arquitectura y arqueología colonial*. Quito, Cuenca, Burnaby: Universidad de Cuenca, Banco Central del Ecuador, Sucursal Cuenca, Universidad Simon Fraser, Canadá.
- Jijon y Caamaño, Jacinto 1997 [1952]. *Antropología Prehispánica del Ecuador* Quito: Pontificia Universidad Católica del Ecuador.
- Marcos J. G. 1998. Max Uhle y la arqueología del Ecuador: precursor, investigador y profesor. *Indiana* 15, 197–215.
- Meggers B. J., Evans C., Estrada E. 1965. *Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla phases*. Washington: Smithsonian Institute.
- Niles S. A. 1999. *The Shape of Inca History*. Iowa City: University of Iowa Press.
- Preuss K. Th. 1920–1921. Bericht über meine archäologische und ethnologische Forschungsreisen nach Kolumbien. *Zeitschreibe für Ethnologie* 52/53 (2/3), 89–128.
- Reyes E. A. 2014. *Tambo Blanco*. URL: <http://docenteconvoz.blogspot.com/2014/11/tambo-blanco.html>.
- Rowe J. H. 1954. *Max Uhle, 1856–1944: a Memoir of the Father of Peruvian Archaeology*. Los Angeles: University of California Press.
- Spinden H. J. 1975. *A Study of Maya Art: Its Subject Matter & Historical development*. New York: Dover Publications.
- Stübel M. A., Uhle M. 1892. *Die Ruinenstätte von Tiahuanaco im Hohlande der Alten Peru*. Leipzig: Hiersemann.
- Uhle M. 1922. *Influencias mayas en el alto Ecuador*. Quito: Tipografía y Encuadernación Salesianas (Boletín de la Academia Nacional de Historia 10–11).
- Uhle M. 1923. *Las ruinas de Tomebamba*. Quito: Sáenz Rebolledo.
- Winter M., Pires-Ferreira J. 1976. Distribution of obsidian among households in two Oaxacan villages. In: Flannery K. V. (ed.). *The Early Mesoamerican Village*. New York: Academic Press, 306–311.
- Zeidler J. 1977/78. Primitive exchange, prehistoric trade and the problem of a Mesoamerican-Southamerican connection. *Journal of the Steward Anthropological Society* 9, 7–39.

References

- Bahn P. 2014. *The History of Archaeology: An Introduction*. Routledge.
- Cieza de León 2005. *Crónica del Perú el señorío de los incas*. Caracas: Biblioteca Ayacucho.
- Grieder et al. 2009. *Art and Archaeology of Challuabamba, Ecuador* Austin: University of Texas press.

- Jamieson R. W. J. 2003. *De Tomebamba a Cuenca: arquitectura y arqueología colonial*. Quito, Cuenca, Burnaby: Universidad de Cuenca, Banco Central del Ecuador, Sucursal Cuenca, Universidad Simon Fraser, Canadá.
- Jijon y Caamaño, Jacinto 1997 [1952]. *Antropología Prehispánica del Ecuador* Quito: Pontificia Universidad Católica del Ecuador.
- Kheierdal T. 2015. *Drevnii chelovek i okean*. SPb.: "Amfora" Publ. (in Russian).
- Marcos J. G. 1998. Max Uhle y la arqueología del Ecuador: precursor, investigador y profesor. *Indiana* 15, 197–215.
- Meggers B. J., Evans C., Estrada E. 1965. *Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla phases*. Washington: Smithsonian Institute.
- Niles S. A. 1999. *The Shape of Inca History*. Iowa City: University of Iowa Press.
- Preuss K. Th. 1920–1921. Bericht über meine archäologische und ethnologische Forschungsreisen nach Kolumbien. *Zeitschreibe für Ethnologie* 52/53 (2/3), 89–128.
- Reyes E. A. 2014. *Tambo Blanco*. URL: <http://docenteconvoz.blogspot.com/2014/11/tambo-blanco.html>.
- Rowe J. H. 1954. *Max Uhle, 1856–1944: a Memoir of the Father of Peruvian Archaeology*. Los Angeles: University of California Press.
- Spinden H. J. 1975. *A Study of Maya Art: Its Subject Matter & Historical development*. New York: Dover Publications.
- Stübel M. A., Uhle M. 1892. *Die Ruinenstätte von Tiahuanaco im Hohlande der Alten Peru*. Leipzig: Hiersemann.
- Tabarev A. V. 2006. *Vvedenie v arkhologiiu luzhnoi Ameriki: Andy i Tikhookeanskoe poberezh'e*. Novosibirsk: "Sibirskaiia nauchnaia kniga" Publ. (in Russian).
- Tabarev A. V. 2015–2016. Shamany i kasiki Strany Dozhdei (kul'tura Tumako-Tolita, tikhookeanskoe poberezh'e luzhnoi Ameriki). *Rossiiskii arkhologicheskii ezhegodnik* 5, 171–199 (in Russian).
- Tabarev A. V., Markos Kh. G., Popov A. N. 2013. Эквадор: по следам одной необычной археологической гипотезы. *Nauka iz pervykh ruk* 5–6, 124–141 (in Russian).
- Uhle M. 1922. *Influencias mayas en el alto Ecuador*. Quito: Tipografía y Encuadernación Salesianas (Boletín de la Academia Nacional de Historia 10–11).
- Uhle M. 1923. *Las ruinas de Tomebamba*. Quito: Sáenz Rebolledo.
- Winter M., Pires-Ferreira J. 1976. Distribution of obsidian among households in two Oaxacan villages. In: Flannery K. V. (ed.). *The Early Mesoamerican Village*. New York: Academic Press, 306–311.
- Zeidler J. 1977/78. Primitive exchange, prehistoric trade and the problem of a Mesoamerican-Southamerican connection. *Journal of the Steward Anthropological Society* 9, 7–39.